

После этого я не планировал ничего дальше. Пока я буду избегать всех гостей Бьянки как чумы, я должен быть дома в безопасности. Я всегда был оптимистом, и эта ситуация не отличается. Вся моя жизнь заключалась в маленьких четырех стенах моей спальни. Бьянка никогда не выводила меня, чтобы показать комнату, где она встречается с клиентами, и я никогда не приставал. Я стал воспринимать ее как капризную соседку по комнате.

Я не знал, когда у меня был день рождения, и Бьянка никогда не сообщала мне об этом. Таким образом, я существовал в постоянном состоянии между едой, игрой с немногочисленными безделушками, которые я мог найти в комнате, переодеванием в одежду Бьянки, пока она спит, и сном. Это было простое существование, которое наскучило мне, особенно потому, что Бьянка не часто разговаривала со мной. Но она теперь не так часто кричит на меня. Единственное время, когда я, как правило, слышу, как она кричит, - это когда приходит человек, владеющий ее контрактом на проституцию, чтобы взыскать долг. В эти дни я просто прячусь под одеялом своей слишком маленькой кровати, пока он не уйдет. Затем я слышу, как Бьянка тихо стонет сквозь тонкие стены.

Если бы я был нормальным ребенком, у меня бы была речевая особенность, поскольку моя тетя не научила меня говорить, но я практикую свою речь в частном порядке, когда Бьянки нет. Я также практикую математику и письмо на немногочисленных листках бумаги, которые нахожу, но вынужден рисовать пеплом из камина, потому что чернила - это драгоценный товар, который не может себе позволить бедная проститутка. Я написал как можно больше истории Зимы, которую помню, и аналогичным образом ослабил половицу, чтобы спрятать свою историю под ней.

Сейчас мне около пяти лет. Мои белые волосы стали только серебристее, сверкающие на свету. Глаза Бьянки всегда следят за ними, когда она заходит, и я уверен, что они должны были выглядеть очень похожими на волосы моей матери. В шкафу, который составляет гардероб Бьянки, есть небольшое ручное зеркало. Я не могу подглядывать часто, иначе она бесконечно кричит на меня и не кормит меня. Но иногда я достаю его и смотрю на свое маленькое личико и золотые глаза, которые являются источником моих страданий.

Если бы королевской особенностью были волосы, я бы покрасила их в мгновение ока. Но глаза - это слишком сложно скрыть. Бьянка знает это, поэтому, когда она солгала мне, что выход наружу навредит моему и без того идеальному здоровью, я оставался внутри без жалоб. Я настолько знаком с этой маленькой комнатой, в которой я живу, насколько это возможно, и узнаю улицу за окном, как свою ладонь. Я стараюсь быть довольным своей долей жизни, но это непросто.

В некотором роде, я уже должен быть на свободе. Зиму привезли во дворец, когда ей было всего 3 года, а мне уже 5 лет. Мои маленькие ноги жаждут бегать и раскрывать весь свой потенциал, но я давно подавил это желание, выполняя приседания до тех пор, пока не смогу больше стоять.

"Извините, Перечная", - говорю я вслух автору, как будто они могут меня услышать, где бы они ни были. Я не уверен, могут ли они. Возможно, кто-то другой смирился бы со своей судьбой быть непризнанной принцессой. Но не я. Полагаю, это часть меня никогда не изменится, независимо от того, в каком теле я нахожусь.

Я упрям и своенравен и не следую общепринятому порядку просто потому, что этого от меня ожидают. Это привело меня к ошибкам, таким как доверие Халли, хотя все остальные называли ее плохой новостью. Но это также пробудило во мне стремление сделать мое сообщество лучше, поэтому я и стала студенткой политологии. Я давно смирился с тем, что больше не

Мария. Но ее частицы всегда будут со мной.

Увы, ничто хорошее не длится вечно.

Сейчас я очень маленький ребенок, и я могу с беспокойством видеть свои ребра, когда надеваю старое платье Бьянки, которое неуклюже подгоняю под себя. В те немногие разы, когда я болел, я смачивал холодную тряпку в ведре, которое Бьянка еженедельно ставила в мою комнату, чтобы я мог умываться и пить, а затем прикладывал ее к своему лбу, чтобы сбить жар. Но на этот раз все было по-другому.

Я почувствовал это, как только проснулся. Все мое тело горело сильнее, чем когда-либо раньше, и когда я сел в кровати, в которой свернулся, у меня закружилась голова и шея была слишком напряжена, чтобы наклониться. Комната оставалась темной в тот день, потому что Бьянка не пришла, чтобы открыть окно днем.

Это было странное ощущение. Я даже не мог выбраться из своей кровати, чтобы пойти до ведра и сделать себе холодный компресс. Была весна, но ледящий холод зимы преследовал мое слабое, маленькое тело. Когда я попытался заговорить, просто для развлечения себя, из моего горла вырвался лишь хриплый карканье.

Неужели я умираю? Эта мысль впервые пришла мне в голову, когда мое зрение начало гаснуть и возвращаться. Раньше я болел, и особенно как молодой, невакцинированный ребенок, я обычно подхватывал какие-то странные штаммы болезней, которые подхватывала Бьянка от своих клиентов. В моем черепе гремели барабаны, и я жалобно застонал от боли.

Это, без сомнения, было худшей частью жизни в этом новом мире. Я практически все время оставался совершенно один, без кого-либо, на кого можно было бы положиться. Сквозь пелену болезни я наблюдал, как уходит день, а моя боль становится все сильнее. Это заболевание казалось весьма серьезным. Может быть, у меня и правда была чума или что-то в этом роде?

Из соседней комнаты доносился стук. Бьянка встречалась с клиентами. Она вряд ли вскоре вернется. Как обычно, мне придется позаботиться о себе самому. Я тяжело вздохнул с покорностью, затем перекинул ногу через край кровати. Я лично принесу ведро с водой и сделаю себе холодный компресс.

Но как только я встал на ноги, мир перевернулся с ног на голову, и я упал на пол без сознания, охваченный лихорадкой. Что произошло дальше, я вспоминал лишь короткими вспышками, когда просыпался от мучившей меня болезни.

Я припомнил, как Бьянка закричала: "Винтер? Винтер!" и затем ласково обняла мою голову, словно я был ей дорог. Нет, этого не может быть. Возможно, это было лишь галлюцинацией. Следующее, что я помню, - как она подняла половицу в своем тайном укрытии и завернула меня в одеяло, словно в буррито. Прохладный воздух коснулся той части лица, что выглядывала из-под одеяла, и я запоздало понял, что мы находимся снаружи. Я слышал, как Бьянка о чем-то быстро говорит с кем-то шепотом, и звон монет. А потом - ничего.